

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-589-604>

Научная статья / Research article

Трансграничное кочевье в СССР в 1920-е годы

Ф.Л. Сеницын

Государственный университет по землеустройству;
105064, Россия, Москва, ул. Казакова, 15; permcavt@gmail.com

Transboundary nomadism in the USSR in the 1920s

Fedor L. Sinitsyn

State University of Land Use Planning, 15 Kazakova St., Moscow, 105064, Russia;
permcavt@gmail.com

Аннотация: В статье в контексте истории миграционных процессов у кочевых народов выявляются особенности трансграничного кочевья между СССР и сопредельными странами в 1920-е гг., анализируется политика Советского государства в отношении данных процессов на территории СССР и сопредельных стран. Статья написана с опорой на широкую источниковую базу, которая включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные документы, обнаруженные автором в Российском государственном военном архиве, Российском государственном архиве социально-политической истории и Агинском филиале Государственного архива Забайкальского края. В статье показано, какую важную стратегическую роль в рассматриваемый период играли приграничные кочевые регионы, в частности территории Бурятии, Казахстана, Киргизии, Туркмении. После революционных событий в России 1917 г. откочевки с этих территорий помимо экономических носили также политические причины и в результате стали формой бегства кочевников из государства с последующим их участием в военном противостоянии в ходе антисоветских восстаний и басмаческого движения. Автор приходит к выводу, что советское руководство, желая добиться статуса-кво на своих границах, к 1930-м гг. установило полный контроль за миграционными процессами, решая задачу минимизации или полной ликвидации трансграничного кочевья. При этом речь шла не только о безопасности границ государства в условиях капиталистического окружения, но и о недопущении проникновения враждебной идеологии из-за рубежа.

Ключевые слова: кочевые народы, трансграничная миграция, пограничные территории, национальные регионы

Для цитирования: Сеницын Ф.Л. Трансграничное кочевье в СССР в 1920-е годы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 589–604. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-589-604>

Abstract: In the context of the history of migration processes among nomadic peoples, the present article studies transboundary nomadism between the USSR and neighboring countries in the 1920s as well as the Soviet policy on these processes. The author discusses the border areas of the east and south of the USSR and such neighboring states as China, Mongolia, Tuva, Afghanistan,

© Сеницын Ф.Л., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

and Persia. The article is written on a broad source base, which includes both published and unpublished documents identified by the author in the Russian State Military Archives (RGVA), the Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI) and the Aginsky Branch of the State Archives of the Trans-Baikal Territory (AFGAZK). The article demonstrates the important strategic role of border nomadic regions, in particular, of Buryatia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Turkmenistan. After the 1917 revolutionary events in Russia, migrations from these territories were motivated not only by economic but also by political reasons, with the nomads escaping from state control and subsequently participating in anti-Soviet uprisings and in the Basmachi movement. The author argues that the Soviet leadership was eager to uphold the status quo on its borderlands. By the 1930s the USSR established full control over migration processes, minimizing or completely eliminating the transboundary nomadism. This was framed as a question of securing the state's borders against a capitalist environment, but also of preventing the penetration of hostile ideology from abroad.

Keywords: nomadic peoples, cross-border migration, border areas, national regions

For citation: Sinitsyn, Fedor L. "Transboundary nomadism in the USSR in the 1920s," *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (August 2019): 589–604. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-589-604>

Введение

Проблема взаимоотношений кочевых народов и Советского государства до сих пор недостаточно освещена в исторической науке. В советский период больше внимания уделялось «советизации» «кочевых» регионов СССР, переводу кочевников на оседлость и коллективизации их хозяйств. В постсоветский период появились труды, которые рассматривают миграционные процессы у кочевых народов, в частности работы Н.Н. Аблажей, М.Н. Балдано, В. Дятлова¹. В этих трудах в том числе исследованы вопросы миграции казахов между Казахстаном и Синьцзяном в XX в., а также история бурятской диаспоры в китайском регионе Барга. Тем не менее проблемы трансграничного кочевья (миграции кочевников, связанной с пересечением государственной границы), восприятия этого явления Советским государством, взаимоотношений между ним и сопредельными странами по этому вопросу в 1920-е гг. до сих пор изучены только фрагментарно.

Целью нашего исследования является разрешение противоречия между недостатком знаний о процессе трансграничного кочевья в СССР в 1920-х гг. и актуальностью этой проблемы. Последняя обусловлена, во-первых, усилением миграционных процессов в мире, в том числе миграции из стран Африки и Ближнего Востока в Европу. Во-вторых, сохранением кочевого образа жизни, затрагивающего около 20 млн человек во всем мире и включающего в себя трансграничную миграцию.

Задачи исследования – выявить особенности трансграничного кочевья между СССР и сопредельными странами в 1920-х гг., раскрыть отношение к этому процессу властей Советского Союза и сопредельных стран и проанализировать их действия в отношении проблемы трансграничного кочевья. Территориальные рамки исследования включают в себя приграничные территории востока и юга СССР и сопредельных стран (Китая, Монголии, Тувы, Афганистана и Персии).

¹ *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015; *Балдано М.Н.* Роль границы в судьбе шэнэханских бурят // *Улкен Алтай элемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay*. 2017. № 3. С. 437–449; *Балдано М., Дятлов В.* Шэнэханские буряты: из диаспоры в диаспору? // *Диаспоры*. 2008. № 1. С. 166–167.

Источниковая база исследования включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные документы, обнаруженные автором в Российском государственном военном архиве (РГВА), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Агинском филиале Государственного архива Забайкальского края (АФГАЗК).

Роль и место «кочевых» регионов в СССР

«Кочевые» регионы занимали в Советском Союзе важное стратегическое положение. Они представляли собой фактически «хребет» страны, протянувшийся от Дона до Забайкалья на несколько тысяч километров вдоль государственной границы СССР с Китаем (Казахстан, Киргизия, Бурятия), Персией (Туркмения), Монголией (Алтай, Бурятия) и Тувой.

С одной стороны, близость национальных регионов к границе была полезной для властей СССР. Так, Бурятия играла важную роль в отношениях Советского государства с азиатскими странами, особенно с Монголией, которая по «культурно-национальным признакам, и языку, и формам хозяйства близка бурятской народности». Для расширения соприкосновения границ Бурятии и Монголии в 1924 г. бурятские власти даже предлагали присоединить к бурятскому эксклаву – Агинскому аймаку – населенную русскими часть Дальневосточной области с железнодорожной станцией Оловянная².

Население западной части Китая (провинция Синьцзян) по этнорелигиозным причинам тяготело к населению сопредельных республик СССР. В 1924–1925 гг. в Илийском регионе Китая, как установили советские дипломаты, «сам факт существования по соседству родственных по духу, языку, обычаям и религии национальных советских республик достаточно революционизирует местное население, стонущее под игом и эксплуатацией» китайских властей. Секретарь советского консульства в Кульдже Д.К. Ступников в 1926 г. выяснил, что местные калмыки интересуются «об участии переходящих из Зап[адного] Китая в СССР, дают ли им землю, не отбирают ли скот, разрешают ли развивать хозяйство». В сентябре того же года Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) сделал вывод, что «мусульманское население Кашгарии во главе с авторитетными духовными лицами, ища... сближения [с Советским Союзом], относится к нам в высшей степени дружески и лояльно»³. Влиял здесь не только факт создания национально-территориальных единиц мусульманских народов в рамках СССР, но и давление со стороны Китая на мусульманское население его западной провинции.

С другой стороны, примыкание «кочевых» регионов к сопредельным странам было проблемой для Советского государства. Кочевники традиционно не признавали государственных границ, особенно если они были проведены поперек территорий, где эти народы жили и кочевали веками. Еще в дореволюционный период Россия испытывала напряженность в связи с трансграничными миграци-

² РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 372. Оп. 1. Д. 127. Л. 14 об.; Там же. Оп. 4. Д. 37. Л. 223 об.

³ РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 25895. Оп. 1. Д. 831. Л. 72; Там же. Д. 832. Л. 109; Там же. Д. 845. Л. 86.

ями. Так, буряты свободно перемещались через российско-китайскую и российско-монгольскую границу, уходя на сопредельную территорию во время смены летних и зимних стойбищ. Кочевавшие в приграничье казахи, в большинстве своем имевшие российское подданство, фактически были двоеданцами. Откочевки значительно осложняли демаркацию границы с Китаем и обостряли территориальные споры⁴. Особую тревогу могла вызывать опасность полной или частичной откочевки какого-либо народа за границу, которая была вполне реальной, если вспомнить прецеденты массовых откочевок из России в дореволюционное время (в частности, калмыков в 1771 г.).

Кроме того, границы СССР были достаточно проницаемыми. Например, на Алтае в сентябре 1922 г. преследуемая властями банда Алагызова ушла через границу в Монголию (всего 50 человек вместе с семьями)⁵. Туда же перешли банды Тобокова и Булычева⁶. Через советскую границу на Дальнем Востоке проникали бандиты (в том числе китайские хунхузы) и белоэмигранты⁷. В Средней Азии басмачи в 1920-х и 1930-х гг. многократно переходили границу в обоих направлениях. Причины проницаемости границ власти СССР видели также в обширности территории страны и слабости пограничной охраны. Так, по состоянию на 1926 г. отсутствовала охрана советско-афганской границы на протяжении около 250 км – от реки Мургаб до колодца Ширам-Куль. С советской стороны этого участка границы – в Туркмении – свободно пасся афганский скот, охраняемый басмаческими курбашами⁸.

Эмиграция кочевников

В период Гражданской войны поднялась новая волна откочевок казахов и бурят в Китай⁹ и Монголию, где они спасались и от белых, и от красных¹⁰. В 1923 г. в Монголии и китайском регионе Барга насчитывалось свыше 20 тыс. бурятских эмигрантов. Советские власти считали, что часть их следовало считать прочно осевшей за границей, так как власти сопредельных стран стремились оставить бурят у себя «как более культурных». В Монголии оказалось и значительное число эвенков, ушедших туда из Забайкалья¹¹. Даже в далеких от границы регионах эмиграция кочевых народов представляла потенциальную проблему. К примеру, в 1923 г., в период голода в СССР, монгольское правительство предлагало российским калмыкам переселиться в Монголию¹².

⁴ *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник... С. 13; *Балдано М.Н.* Роль границы в судьбе шэнэханских бурят // *Үлкен Алтай элэмі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay*. 2017. № 3. С. 439.

⁵ РГВА. Ф. 25866. Оп. 1. Д. 84. Л. 24 об.

⁶ *Богданов М.А.* Разгром кайгородовщины // *Вопросы истории*. 1972. № 7. С. 148.

⁷ *Шахворостов В.В.* Борьба населения приграничья с бандитизмом на Дальнем Востоке в первой половине 1920-х годов // *Россия на берегах Тихого океана: прошлое, настоящее, будущее: сб. научн. трудов*. Хабаровск, 2009. С. 90, 95.

⁸ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 846. Л. 7; АФГАЗК (Агинский филиал Государственного архива Забайкальского края). Ф. 39. Оп. 1. Д. 96. Л. 17.

⁹ *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник... С. 24; *Балдано М.Н.* Роль границы в судьбе шэнэханских бурят... С. 439.

¹⁰ АФГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 96. Л. 17.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 127. Л. 9, 10 об.

¹² *Наранжаргал Н.* 1920-нод оны Ижил мөрний сав дагуух өлсгөлөн ба Халимагуудыг монгол улсад нүүлгэн шилжүүлэх гэсэн асуудлын тухай (О голоде в Поволжье в 1920-х гг. и вопросе о

Продолжились откочевки и после Гражданской войны. В 1921–1924 гг. из южной части Таджикистана перешли в Афганистан около 30 тыс. хозяйств, в том числе туркмены и казахи. В 1924 г. в Монголию только из Агинского аймака ушли 343 бурятских хозяйства, в которых имелись 26 569 голов скота¹³. Казахи и киргизы регулярно уходили в Китай – особенно ярко это проявилось в период хлебозаготовительного кризиса 1927–1928 гг.¹⁴ Туркмены откочевывали в Афганистан и Персию. Так, в 1927 г. из Гасан-Кулийского и Атрекского районов ушла значительная часть населения, уведа с собой 75 % всего имевшегося там скота. Особенно тревожным для властей было то, что за границу массово мигрировали представители наиболее обеспеченных слоев населения, имевшие большое количество скота и другого имущества. Уводили они с собой и опору советской власти – бедняков, с целью, как отмечалось в официальных документах, «бесконтрольно эксплуатировать их труд... за границей»¹⁵.

Причины откочевок из СССР были политические и экономические одновременно. Это, во-первых, недовольство внутренней политикой, особенно репрессиями по отношению к зажиточным слоям общества¹⁶; во-вторых, стремление избежать налогообложения и исполнения натуральных повинностей. Среди причин следует назвать и уклонение от несения воинской повинности. В то же время в Монголии, например, прикочевавшие из СССР буряты не платили в течение трех лет никаких налогов, к тому же здесь не было воинской повинности¹⁷.

Кроме того, откочевки из СССР происходили и в рамках традиционного скотоводческого кочевания. Так, в Туркмении часть населения всегда уходила на зимовку в Персию, в том числе в долину реки Горган¹⁸. Однако нередко скотоводческим кочевьем прикрывалась эмиграция из страны. К примеру, в бурятском Агинском регионе часть населения ушла за границу «под видом перекочевки со скотом за поиском подножного корма на бывшие казачьи и крестьянские дачи»¹⁹.

Разумеется, Советское государство негативно относилось к несанкционированным и бесконтрольным откочевкам за границу, признавая их недопустимыми как с политической, так и с экономической точек зрения («в целях планомерного устройства бюджета, точного учета народного достояния»). Власти выражали обеспокоенность тем, что эмиграция «может вылиться в стихийные формы, если немедленно не приступить к проведению учета всех возрастных групп, допризывной подготовки и т.п.»²⁰.

переселении калмыков в Монголию) // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2014. № 3. С. 53, 55.

¹³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2740. Л. 46; АФГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 96. Л. 17.

¹⁴ *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник... С. 37.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 912. Л. 2; АФГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 96. Л. 17; РГАСПИ. Д. 137. Л. 30.

¹⁶ АФГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 137. Л. 30; *Балдано М.Н.* Роль границы в судьбе шэнэханских бурят... С. 439.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 254. Л. 50; РГАСПИ. Оп. 4. Д. 37. Л. 223 об; АФГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 96. Л. 17.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 912. Л. 9–10; *Гадельшин Г.Ф.* Путь туркменских кочевников к социализму. Ашхабад, 1987. С. 13.

¹⁹ АФГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 137. Л. 30.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 254. Л. 50; АФГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 96. Л. 17.

Кроме самого факта потери населения, опасность откочевков для властей заключалась в том, что граждане СССР, ушедшие за границу, попадали в сферу влияния антисоветской эмиграции. На территории Китая, в регионе Барга, где в Шэнэхэнском хошуне еще с начала XX в. компактно проживали откочевавшие из России буряты, возник «центр белой бурятской эмиграции». В 1922 г. там проживало около 700 бурятских эмигрантов, а в 1933 г. их число достигло уже 3 тыс. Агитация к «уходу в Китай» имела определенный успех. Так, в январе 1929 г. от 2,5 до 3 тыс. бурятских юрт поднялись с места и придвинулись к границе, в феврале того же года около 78 юрт (400–500 человек) «перешли границу», уведя с собой 9280 голов скота. В Шэнэхэн стали переезжать буряты-эмигранты, ранее осевшие в Монгольской Народной Республике (МНР)²¹.

По описанным выше причинам представители властей считали близость проживания кочевых народов к границе опасной. Показательным примером здесь является опять-таки Бурятия. В 1922 г. некоторые советские деятели возражали против объединения двух Бурят-Монгольских автономных областей²², сомневаясь, что объединенная Бурятия будет «служить проводником в деле революционирования монгольских масс... т.к. буряты, в случае давления извне, не окажутся настолько стойкими, как казаки, которым фактически и принадлежит вся пограничная с Монголией полоса»²³. Таким образом, несмотря на то, что казаки в своей массе поддержали в Гражданской войне «белую» сторону, они все-таки считались более лояльными для страны, чем кочевники.

В 1924 г. сотрудники Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) отмечали необходимость особого внимания к Бурятии по ряду причин. Прежде всего из-за ее «соседства с Монголией, являющейся стратегическим пунктом для... империалистов»²⁴ в случае осуществления ими намерений вторжения на Дальний Восток», а также из-за «исторически сложившегося взаимоотношения бурят с монголами»²⁵.

Близость Монголии рассматривалась как отрицательный фактор в плане осуществления контроля над бурятским населением. В 1924 г. руководство Борзинского уезда отмечало, что в случае соприкосновения границ бурятского Агинского аймака и Монголии «кочующие буряты будут больше, чем теперь, укрывать за границей свой скот»²⁶. Характерно, что «нежелательное» внешнеполитическое влияние на кочевые народы власти видели и внутри страны. Речь шла о распространении панмонгольской идеологии, которая проявлялась в том числе в муссировании планов объединения Бурятии и Монголии в одно государство. Всяческие проявления панмонголизма среди советских и партийных работников жестко пресекались. Впоследствии обвинения в поддержке панмонголизма стали одним из инструментов репрессивной кампании в Бурят-Монголии и Калмыкии.

²¹ См.: *Синицын Ф.Л.* «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб., 2013. С. 255–256.

²² Одна из них до того входила в состав РСФСР, другая – в состав ДВР.

²³ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 600. Л. 22.

²⁴ Имелись в виду Китай и Япония.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 810. Л. 10.

²⁶ Там же. Оп. 4. Д. 37. Л. 224.

С внешнеполитической точки зрения негативному отношению к панмонголизму в СССР способствовал фактор военно-политического противостояния с Японией. Контроль над МНР для советского руководства был очень важен из-за стратегического положения этой страны, особенно после создания при поддержке Японии государства Мэнцзян. Осенью 1937 г., с целью удержания под контролем МНР и предотвращения японской интервенции, туда были введены советские войска.

Иммиграция кочевников

Другим аспектом трансграничной миграции были прикочевки в СССР. Во-первых, к ним относилось возвращение из-за границы откочевников из числа советских граждан. К 1919 г. часть бурят из китайской Барги вернулась в российское Забайкалье. Весной 1921 г. началось массовое возвращение казахов и киргизов в Туркестанскую и Киргизскую Автономные Республики²⁷.

Власти поощряли процесс возвращения. Так, правительство Бурятии было озабочено вопросом переселения из Монголии бурят, ушедших туда в годы Гражданской войны. Для этого в Бурятии была создана специальная комиссия. Власти надеялись, что откочевники вернутся из Монголии в связи с заключением договора с правительством этой страны о взимании налогов с бурят-эмигрантов²⁸.

Руководство Туркменской ССР (ТССР) считало желательным возвращение эмигрантов, в том числе и таким путем: «Поставить эмигрантские стада в безвыходное положение, так как пастбища, пригодные для них, имеются только на нашей территории, и они вынуждены будут окончательно оформить свои отношения к ТССР: или стать в явно враждебную позицию по отношению к нам, что грозит гибелью их скота, или немедленно начать переговоры об окончательной реэмиграции на нашу территорию». На это последовала реакция местного населения. В феврале 1927 г. в Керкинском округе Туркмении, по некоторым данным, происходил «перегон стад эмигрантов-туркмен в Афганистан, ввиду распространившихся слухов о предполагаемой якобы конфискации эмигрантов». Например, богатый и влиятельный туркмен-эмигрант Наубат Мирахур перегнал в Афганистан 12 тыс. каракулевых овец²⁹.

СССР стремился направлять собственных представителей в Афганистан для переговоров о возвращении эмигрантов. Эта политика дала свои плоды: с 1926 по 1928 г. в Таджикистан из Афганистана возвратились около 7–8 тыс. хозяйств³⁰ (процентное соотношение кочевых и оседлых в источнике не указано).

Еще одной проблемой была иммиграция в Советский Союз иностранных кочевников (хотя здесь ситуация была более благоприятной, чем в случае с откочевкой из СССР). Особенно массовым приток кочевников в СССР был из Афганистана, откуда с 15 по 20 ноября 1926 г. на территорию Туркмении перекочевали 700 кибиток белуджей, зури (чараймаков) и других кочевых народов, которые при-

²⁷ *Мещерский А.С.* Автономная Барга. Шанхай, 1920. С. 17; *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник... С. 27.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 537. Л. 4; РГАСПИ. Оп. 4. Д. 37. Л. 223 об.; РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 7. Л. 56 об.

²⁹ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 639. Л. 8–9; Там же. Д. 1659. Л. 38.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 20; Там же. Д. 2740. Л. 46.

вели с собой 13 770 голов скота. Власти отмечали, что «переход границы происходит почти повсюду». Всего в 1926 г. в Туркмению прибыли не менее 2400 семей кочевников. Ожидался наплыв и в следующем году, тем более что посланцы хазарейцев от имени 4 тыс. кибиток заявили о своем желании переселиться в СССР. И действительно в апреле 1927 г. в Туркмению прикочевали около 300 кибиток хазарейцев. В начале марта 1930 г. в районе туркменского колодца Кара-Габа на территорию СССР перешли до 4 тыс. скотоводов племени гильзаев (одно из пуштунских племен), из них более тысячи человек имели оружие. Причиной перехода была неудачная попытка овладения ими г. Меймене, в связи с чем они опасались преследования со стороны другого афганского племени – кугистанцев.³¹

Причины иммиграции кочевников в СССР и откочевок из Советского Союза во многом были схожими. Это и внутренняя политика Персии и Афганистана, которой были недовольны кочевники, и наличие на территории СССР богатых пастбищ, по причине чего афганские скотоводы были «прикованы» к ним. С хазарейцами произошла история, которая ярко характеризует мобильность и непривязанность кочевых народов к какому-либо государству. Дело в том, что до 1922 г. представители этого народа кочевали на территории Туркмении (в районе Кушки), затем под влиянием афганской пропаганды и междоусобиц с другим кочевым народом (джемшидами) постепенно перебрались в Афганистан, но потом вновь вернулись в Туркмению³².

Местные власти сообщали руководству о проблематичности размещения прикочевавших, поэтому всеми силами старались избавиться от них. В феврале 1927 г. власти Туркмении сообщали, что они «лишены реальной возможности хоз[яйственного] устройства эмигрантов³³ в ближайшее время, ввиду полного отсутствия земельно-водных ресурсов в ТССР и денежного фонда на первоначальную помощь». В августе 1927 г. в ответ на предложение переселить прикочевников в Казахстан власти этого региона сообщили о невозможности выполнения такого решения, «ввиду земельной неурядицы как среди русского, так и казакского³⁴ населения»³⁵.

По понятным (прежде всего политическим) причинам прикочевникам нельзя было отказать в приеме, ведь СССР называл себя «отечеством трудящихся всего мира». На Востоке была еще и своя специфика – власти сетовали на то, что отказ в убежище эмигрантам «создаст резкое расхождение нашей декларации о народах Востока с фактическими действиями»³⁶. Очевидно, имелось в виду обращение советской власти «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» 1917 г.

С другой стороны, власти считали массовые прикочевки нежелательными, поэтому прибывших из-за границы пытались отправить обратно. В феврале 1927 г. советским пограничникам было предписано всеми возможными мирными средствами не допускать перехода афганских и персидских племен на территорию Узбекистана и Туркмении. Было дано следующее указание: «Не возражать против

³¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 3, 7, 13–14, 17, 54–55; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 865. Л. 19.

³² Там же. Л. 15–17, 55.

³³ Имелись в виду иммигранты.

³⁴ Имелись в виду казахи.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 17, 91.

³⁶ Там же. Л. 17.

допущения официальных представителей Афганского правительства для переговоров с перешедшими об их возвращении... Сделать Афган[скому] пра[вительству] представление, в котором подчеркнуть чрезвычайно трудное и политически ложное положение, в которое нас ставит афганская иммиграция». ³⁷ В мае 1927 г. советский 46-й погранотряд, дислоцированный в Каракумах, задержал 14 вооруженных афганских скотоводов и выдворил их в Афганистан.

Регулирование положения прикочевавших, которые остались на территории СССР, то есть процесс их адаптации, также было непростой задачей. Власти считали необходимым переселить иммигрантов вглубь территории страны, чтобы предотвратить осложнение ситуации на приграничных территориях (в частности, об этом говорилось в предписании, данном ЦК КП(б) Туркмении в феврале 1927 г.). Особо было указано, что «в случае отказа вождей перешедших племен эвакуироваться вглубь страны, таковые подлежат аресту». Для устройства прикочевников власти решили выделить земельные участки и финансовые ресурсы ³⁸.

Однако к началу 1930-х гг. у советского руководства в лице прежде всего Наркомата по иностранным делам несколько изменилось мнение о прикочевках. Во-первых, по политическим причинам, поскольку иммиграция в страну свидетельствовала об усилении влияния и улучшении имиджа СССР в мире. Во-вторых, с экономической точки зрения иммигранты давали приток рабочей силы, в котором крайне нуждалась, например, Средняя Азия в связи с развитием скотоводства и решением «мясной, каракулевой и шерстяной проблем». Уполномоченный НКВД в Узбекистане М.М. Славуцкий считал, «что в случае, если перешедшие к нам киргизы заняты производительным трудом и бежали от гонений китайцев, их возвращать ни в коем случае не следует» ³⁹.

Власти СССР находились в непростом положении. Как отмечал М.М. Славуцкий, из соображений «внешнеполитического (взаимоотношения с афганским правительством), внутривнутриполитического (опасность создания враждебных военно-политических ячеек) и экономического (затруднительность устройства масс эмигрантов) характера» массовая иммиграция для СССР была нежелательной. С другой стороны, НКВД считал целесообразным сохранение тяги зарубежных таджиков, узбеков и других народов к СССР. Для этого, «учитывая консерватизм и устойчивость патриархально-родовых отношений среди этих племен», НКВД предлагал «не форсировать полную советизацию» иммигрантов «и считать возможным предоставление некоторых льгот их родовым старшинам» ⁴⁰.

Прикочевавшие часто и не желали возвращаться обратно за границу. Например, главы хазарейских родов категорически отказались переселиться обратно в Афганистан, вследствие чего были интернированы ОГПУ. Один из них – Кафур-бек – из опасения быть выданным афганским властям перешел на территории СССР на нелегальное положение ⁴¹.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 20; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 835. Л. 138.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 18, 20.

³⁹ Там же. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2207. Л. 39; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 52. Л. 53.

⁴⁰ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 52. Л. 53–54.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 55.

Советские власти также считали, что прикочевки несут с собой угрозу отпадения приграничных территорий. В феврале 1927 г. ЦК КП(б) Туркмении сообщал об «опасности стремления афганцев к присоединению Пендинского оазиса (Кушка – Тахта-Базар) и возникновению поэтому поводов к плебисциту»⁴². Действительно, в 1920-х гг. плебисциты по поводу принадлежности территорий были распространенным явлением. В Европе был проведен ряд плебисцитов на спорных территориях, например по разграничению территорий Мазурии и Силезии между Германией и Польшей. Такие опасения были обоснованы и для реалий приграничных «кочевых» регионов СССР. Так, в феврале 1921 г. РСФСР подписала Договор о дружбе с Афганистаном, согласно ст. IX которого Россия согласилась «передать Афганистану принадлежавшие ему в прошлом столетии земли пограничного района с соблюдением принципа справедливости и свободного волеизъявления народов, их населяющих». Фактически никаких территорий Афганистану передано не было, однако опасность их потери оставалась, принимая во внимание конфликт на Кушке 1885 г., когда афганские войска пытались захватить упомянутый Пендинский оазис.

В 1930 г. туркменский авторитетный лидер, эмигрант Абдул Хан Томач мусировал слухи о переходе к Персии «спорной зоны» в районе пос. Гасан-Кули, а также собирал для этого документальные подтверждения. В январе 1930 г. он созвал совещание влиятельных туркмен, которые официально подтвердили, что в 1895 г. русско-персидская граница проходила севернее Гасан-Кули. Абдул Хан Томач провел и соответствующие опросы приграничного населения⁴³. (На самом деле, русско-персидская граница была установлена по реке Атрек южнее Гасан-Кули.)

Центральные власти СССР пытались решить проблему гражданской принадлежности прикочевавших, что могло бы снять проблему плебисцитов. Так, ОГПУ в лице Г.Г. Ягоды в 1930 г. дало указание о «политической выгоде перехода в союзное гражданство наибольшей массы белуджей», прикочевавших из Афганистана. Тем из них, которые не приняли гражданство СССР, местные власти должны были «предложить добровольно вместе с семьями перейти на территорию Афганистана, обеспечив свободный переход»⁴⁴.

Осложнение положения на границе

Передвижение кочевников через границу провоцировало пограничные конфликты между СССР и сопредельными странами. 9 мая 1926 г. председатель СНК Туркменской ССР К.С. Атабаев сообщил командующему Туркестанским фронтом К.А. Авксентьевскому, что в приграничной с Афганистаном местности Эды-Кую и Ант-Кую действовал «отряд самообороны эмигрантских стад», находившихся в Туркмении, в составе до 300 вооруженных людей. Эти отряды стали базой для бандитских групп, которые занимались грабежом Керкинского и Ленинского округов Туркмении. К.С. Атабаев предложил снарядить против этих отрядов карательную экспедицию. К.А. Авксентьевский ответил отказом. Соглашаясь с вредом отря-

⁴² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 18.

⁴³ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 698. Л. 101–102.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2207. Л. 53, 55.

дов «самоохраны», он сомневался в успехе операции, поскольку эти отряды, даже если бы ушли за границу, потом вернулись бы снова. Он считал «более целесообразным принять меры к урегулированию вопроса выпаса стад с влиятельными лицами из среды эмигрантов»⁴⁵.

На советско-афганской границе происходили вооруженные столкновения между басмачами и советскими пограничниками. Например, 11 мая 1926 г. банда под командой Чаян-Сердара напала на советский пограничный пост. В письме Наркомата по военным и морским делам и Революционного военного совета (РВС) СССР командующему войсками Среднеазиатского военного округа от 22 июня 1926 г. содержатся данные о факте «допуска афганских кочевников на близкое расстояние и расстрела их почти в упор из пулеметов» советскими войсками в районе поселка Тахта-Базар (Туркмения). НКВД СССР считал, что такие действия «не вызывались действительной необходимостью»⁴⁶.

Однако очевидно, что советские войска сражались не с «кочевниками», а с басмачами. В следующем письме Наркомата по военным и морским делам и РВС СССР от 23 июня 1926 г. сообщалось, что само Афганское правительство называло эти отряды «бандами» и выражало готовность бороться с их вторжением на территорию СССР. От НКВД для этого требовалось предоставлять «самую точную и своевременную информацию... о всех возникающих конфликтах в погранполосе для соответствующих дипломатических переговоров с Афганским правительством»⁴⁷.

На дальнейшее ухудшение отношения Советского государства к трансграничному кочевью повлияло осложнение международной обстановки в конце 1920-х гг., особенно после 1927 г. в связи с обострением отношений между СССР, с одной стороны, и Великобританией и Китаем, с другой. В Туркмении весной 1927 г. власти выявили ведение антисоветской пропаганды баями и духовенством, которые распускали слухи о том, что «объявление войны со стороны Англии Сов[етскому] Союзу – вопрос ближайших дней, а потому надо скотоводам скорее перекочевать в Персию, дабы... сов[етская] власть не могла реквизировать скот для Красной армии». (Впоследствии эти слухи рассеялись.)⁴⁸ В том же 1927 г. обозначилась тенденция к резкому сокращению въезда в СССР из Западного Китая и получению советского гражданства откочевниками и другими иммигрантами из Китая⁴⁹.

В августе 1928 г. советская разведка докладывала, что «англичане усилили свою работу среди племен юга и юго-запада Персии», которая включала в себя вооружение дружественных Великобритании племен, подкуп ханов, натравливание их друг на друга. Эта деятельность, по мнению советской разведки, велась не только для защиты близлежащих британских колоний (Индии и Ирака), но и для создания «наступательного плацдарма»⁵⁰.

⁴⁵ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 639. Л. 8, 10–12.

⁴⁶ Там же. Л. 13, 16.

⁴⁷ Там же. Л. 16.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 912. Л. 2.

⁴⁹ *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник... С. 33.

⁵⁰ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 826. Л. 609.

В то же время советские власти видели возможность использования настроений части кочевников против интересов Великобритании. Так, туркменское население персидской провинции Астрабад было недовольно тем, что Великобритания лишила их возможности традиционного грабежа соседнего населения (аламан). Поэтому считалось естественным «ожидать, что в нашей борьбе с Англией в первое время они (астрабадские туркмены. – Ф.С.) будут с нами»⁵¹. В дальнейшем ситуация в приграничных с «кочевыми» территориями СССР регионах ухудшалась, что было связано в первую очередь с действиями Японии на Дальнем Востоке и восстанием в Синьцзяне, развернувшимися с 1931 г.

Борьба за кочевое население с сопредельными странами

В сопредельных с Советским Союзом странах отношение к трансграничному кочевью было примерно таким же, как в СССР. До Октябрьской революции Китай расценивал приток откочевников из России как угрозу усиления российского влияния в Синьцзяне⁵², тем более что в этом регионе часть местных жителей еще до революции приняла российское гражданство (правительство Российской империи предоставляло за это целый ряд весьма существенных льгот). Генеральный консул СССР в Кашгаре М.Ф. Думпис, прибывший туда в июле 1925 г., сообщал, что все бывшие российские граждане очень обрадовались его приезду, так как продолжали считать себя гражданами России и теперь – Советского Союза⁵³.

Власти северо-восточного Китая вели борьбу с советским пропагандистским воздействием на монгольское и бурятское население региона. Прошедший в Хайларе в мае 1927 г. местный съезд принял решение «о предохранении молодежи от революционной заразы». Поэтому китайские власти препятствовали трансграничной миграции. Так, в 1930 г. они потребовали от СССР возратить в Китай 47 семейств киргизов, бежавших в Советский Союз⁵⁴. В начале 1931 г. начальник китайского погранпоста «Симхана» и другие китайские чиновники «с целью приостановки реэмиграции распускали слухи о том, что все реэмигрирующие (в СССР. – Ф.С.) будут арестовываться, репрессироваться»⁵⁵. Япония после оккупации ею Маньчжурии в 1931 г. также установила жесткий режим охраны границы с Советским Союзом, не допуская миграции⁵⁶.

Острая борьба за кочевое население в рассматриваемый период развернулась между СССР, Афганистаном и Персией. Афганские власти стремились вернуть своих откочевников, ушедших в СССР. В июле 1927 г. губернатор провинции Герат отдал распоряжение о выделении отряда в составе 15 человек для оказания содействия в обратной перекочевке афганских иммигрантов, перешедших в СССР в районе Кушки, на территорию Афганистана. Для «увещевания» откочевников к ним были направлены влиятельные духовные лица. В начале осени 1932 г. аф-

⁵¹ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 826. Л. 602.

⁵² *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник... С. 21.

⁵³ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 18–20.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2207. Л. 39; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 434, 446.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2540. Л. 10.

⁵⁶ *Балдано М., Дятлов В.* Шэнээнские буряты: из диаспоры в диаспору... С. 166–167.

ганские власти пытались «уговорами и оружием» задержать волну реэмиграции в СССР⁵⁷.

Персия также стремилась оставить у себя население, откочевавшее из Советского Союза, а власти СССР всеми мерами пытались этому препятствовать. Наиболее острая борьба с Персией развернулась в 1929–1930 гг. за граждан СССР, откочевавших в период форсированной коллективизации и перевода кочевников на оседлость. Персидские власти поставили цель не только оставить прибывших у себя, но и «перетянуть» к себе других жителей приграничной полосы СССР. Для этого они применяли метод кнута и пряника. Власти пограничных регионов Персии получили распоряжение об оказании содействия иммигрантам, а среди жителей Советской Туркмении распространялись соответствующие слухи. Перекочевывающие в Персию баи встречали радушный прием и получали назначения на административные должности. К примеру, два бая – Каума Ходжи Оглы и Али-яр Вали Яр-Оглы – были назначены ханами аулов. Прикочевники пользовались различными льготами, особенно если они принимали персидское подданство, в частности освобождение от уплаты налогов сроком на несколько лет. Эмигрировавшие из СССР в Персию белуджи получили от раиса⁵⁸ г. Серахс помощь хлебопродуктами⁵⁹.

В качестве «кнута» персидские власти ввели «экономические зажимы» для прикочевников, которые отказывались принимать персидское подданство. Для этого они, во-первых, создали им «невозможные условия для выпаса скота». Во-вторых, опасаясь того, что скотоводы, не принявшие подданство Персии, могут возвратиться на территорию СССР, персидские власти разослали по степи чиновников, которым было поручено взимать с прикочевников налоги, причем справки об уплате налога не выдавались. Также была проведена перепись прикочевавших. Персидские власти организовали переселение прикочевников во внутренние районы Персии, в том числе для предотвращения обратного перехода⁶⁰.

Реакция кочевников на действия персидского правительства была разной. Положительно эти действия восприняли белуджи, которые, встретив хороший прием, решили вывезти из СССР свои семьи и перегнать оставшийся скот. Очевидно, такая реакция могла быть обусловлена тем, что белуджи изначально попали в Туркмению из Персии и фактически возвращались на родину. У иомудов (туркмен) реакция была другой. Они воздерживались от перехода в персидское подданство, «предпочитая использовать одновременно льготы, предоставляемые им как СССР, так и Персией». Персидские паспорта получили около 300 хозяйств, тогда как около 700 – отказались это сделать. Но даже те, кто получил персидское подданство, «опасались кочевать со скотом вглубь Персии и старались находиться вблизи границы». Решение персидского правительства переселить прикочевавших туркмен в Шахрудский регион (около 500 км от границы с Туркменией) и

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 20; Там же. Д. 2740. Л. 59; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 698. Л. 99; Там же. Д. 835. Л. 211–212.

⁵⁸ Должность, аналогичная главе администрации города.

⁵⁹ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 698. Л. 99, 241; Там же. Д. 826. Л. 430–431.

⁶⁰ Там же. Д. 698. Л. 99; Там же. Д. 826. Л. 430.

непосильное обложение налогами вызвали среди туркмен «реэмиграционные настроения». Несмотря на предложение персидских властей покинуть пограничную полосу, туркмены концентрировались у советской границы, намереваясь вернуться в СССР. Переходу мешало то, что туркменские вожди колебались, «опасаясь репрессий со стороны сов[етской] власти за уход в Персию», а также отсутствие сведений о дождях и всходах травы на советской территории и неуверенность в том, будут ли пропущены стада через пограничные пункты, удобные для перегона скота⁶¹. Причинами такой реакции туркмен на действия персидского правительства была их тяга к свободному образу жизни, нежелание привязываться к Персии, чтобы всегда была возможность уйти обратно в Туркмению. Впоследствии многие откочевники вернулись в СССР.

Реакция советских властей на возможность возвращения откочевавших была, разумеется, положительной. Было дано указание пропускать скотоводов через все заставы «на основе существующего положения об упрощенном пропуске кочевников-иомудов»⁶².

Выводы

Ситуация, сложившаяся в 1920-х гг. в «кочевых» регионах СССР, ярко показала, что Советское государство стремилось к достижению статуса-кво на границе, заключавшегося в полном контроле за эмиграцией и иммиграцией, минимизации или полной ликвидации трансграничного кочевья. Любое государство ставит во главу угла собственную национальную безопасность и предпочитает стабильность, и в этой связи проблемой становится как эмиграция, так и иммиграция. К примеру, кочевники своим свободным перемещением создавали нестабильность, невозможность контроля и демографического прогнозирования. В СССР, где постулатом была жизнь в условиях «враждебного окружения», бесконтрольное пересечение границы было категорически неприемлемым для властей еще и с точки зрения безопасности, в том числе идеологической (проникновения шпионов и диверсантов, а также враждебной идеологии).

Если до революции миграции кочевников происходили в основном с экономическими целями, то при советской власти откочевки приобрели также политический контекст, стали формой бегства от государства и борьбы с ним (отсюда – участие кочевников в восстаниях и басмаческом движении). В сложившихся условиях со стороны нелегко было понять причину каждой конкретной миграции – осуществлялась ли она в рамках традиционного скотоводческого кочевья либо была обусловлена политическими причинами.

Эмиграционные настроения среди кочевого населения были опасны для властей СССР еще и ввиду того, что массовая эмиграция, прежде всего «трудового элемента», наносила удар по имиджу страны. Особенно нежелательным это было потому, что приграничные кочевые регионы играли для СССР важную стратегическую роль. В частности, Бурятия была серьезным элементом выстраивания отношений СССР с Монголией и Тибетом; Казахстан и Киргизия – с мусульманским

⁶¹ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 698. Л. 99; Там же. Д. 826. Л. 430–431.

⁶² Там же. Д. 826. Л. 430.

населением Синьцзяна; Туркмения – с Афганистаном и Персией; в свою очередь все «мусульманские регионы» – с Турцией и другими странами исламского мира. Поэтому власти СССР не могли допустить эмиграции этих народов. Точно так же действовали сопредельные государства. В подходе СССР, Китая, Персии и Афганистана к трансграничной миграции проявились борьба этих стран за людские ресурсы и стремление сохранить контроль над собственным населением.

Впоследствии, в 1930-е гг., в Советском Союзе произошло окончательное ужесточение порядка въезда и выезда из страны. Была укреплена государственная граница, и несанкционированная властями миграция прекратилась.

Рукопись поступила: 26 июня 2018 г.

Submitted: 26 June 2018

Библиографический список

- Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск: СО РАН, 2015. 255 с.
- Балдано М.Н.* Роль границы в судьбе шэнэхэнских бурят // *Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay*. 2017. № 3. С. 437–449.
- Балдано М., Дятлов В.* Шэнэхэнские буряты: из диаспоры в диаспору? // *Диаспоры*. 2008. № 1. С. 162–184.
- Гадельшин Г.Ф.* Путь туркменских кочевников к социализму. Ашхабад: Туркменистан, 1987. 173 с.
- Мещерский А.С.* Автономная Барга. Шанхай: [Б.и.], 1920. 39 с.
- Наранжаргал Н.* 1920-нод оны Ижил мөрний сав дагуух өлсгөлөн ба Халимагуудыг монгол улсад нүүлгэн шилжүүлэх гэсэн асуудлын тухай (О голоде в Поволжье в 1920-х гг. и вопросе о переселении калмыков в Монголию) // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2014. № 3. С. 50–56.
- Синицын Ф.Л.* «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: Изд-во А. Терентьева; Фонд «Сохраним Тибет», 2013. 527 с.
- Шахворостов В.В.* Борьба населения приграничья с бандитизмом на Дальнем Востоке в первой половине 1920-х годов // *Россия на берегах Тихого океана: прошлое, настоящее, будущее*. Хабаровск: ХПИ ФСБ России, 2009. С. 90–97.

References

- Ablazhey, N.N. *Kazakhskiy migratsionnyy mayatnik 'Kazakhstan – Sin' tzyan.'* Emigratsiya. Repatriatsiya. Integratsiya. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2015 (in Russian).
- Baldano, M.N. “Rol’ granitsy v sud’be shenekhenskikh buryat.” *Ylken Altay әlemi – Mir Bol’shogo Altaya – World of Great Altay*, no. 3 (2017): 437–449 (in Russian).
- Baldano, M., and Dyatlov, V. “Shenekhenskiye buryaty: iz diasporы v diasporu?” *Diasporы*, no. 1 (2008): 162–184 (in Russian).
- Gadel’shin, G.F. *Put’ turkmenskikh kochevnikov k sotsializmu*. Ashkhabad: Turkmenistan Publ., 1987 (in Russian).
- Meshcherskiy, A.S. *Avtonomnaya Barga*. Shankhay: [N.s.], 1920 (in Russian).
- Naranzhargal, N. “1920-nod ony Izhil mörniy sav daguukh өлсгөлөн ба Khalimaguudyg mongol ulsad нүүлгэн шилжүүлэх гэсэн асуудлын тухай (О голоде в Povolzh’ye v 1920-kh gg. i

voprose o pereselenii kalmykov v Mongoliyu).” *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, no. 3 (2014): 50–56 (in Russian).

Shakhvorostov, V.V. “Bor’ba naseleniya prigranich’ya s banditizmom na Dal’nem Vostoke v pervoy polovine 1920-kh godov.” In *Rossiya na beregakh Tikhogo okeana: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye*. Khabarovsk: KHPI FSB Rossii Publ., 2009 (in Russian).

Sinitsyn, F.L. *Krasnaya burya. Sovetskoye gosudarstvo i buddizm v 1917–1946 gg.* Saint Petersburg: Tip. A. Terent’yeva; Fond “Sokhranim Tibet” Publ., 2013 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Синицын Федор Леонидович, доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного университета по землеустройству.

Fedor L. Sinitsyn, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Associate Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines of State University of Land Use Planning.